

**Суровцева
Екатерина Владимировна**

**Введение в литературоведение.
Семинары**

БУК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
www.bukbook.ru

Екатерина Суровцева

**Введение в литературоведение.
Семинары. Методические
указания для студентов
филологических факультетов**

«Бук»

2016

УДК 82(075.8)
ББК 83

Суровцева Е. В.

Введение в литературоведение. Семинары. Методические указания для студентов филологических факультетов / Е. В. Суровцева — «Бук», 2016

ISBN 978-5-9907032-3-0

Книга представляет собой методические указания по предмету «Введение в литературоведение», который преподаётся студентам-первокурсникам филологических факультетов вузов. Приводятся списки тем, затрагиваемых на семинарских занятиях, примеры практических заданий, списки основной и дополнительной литературы, а также перечень экзаменационных вопросов.

УДК 82(075.8)
ББК 83

ISBN 978-5-9907032-3-0

© Суровцева Е. В., 2016
© Бук, 2016

Содержание

Введение	5
Произведение как художественное целое	7
Стилистика	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Екатерина Суровцева

Введение в литературоведение.

Семинары. Методические указания для студентов филологических факультетов

Введение

Предлагаемое пособие представляет собой методические указания для преподавателей, ведущих занятия по введению в литературоведение для студентов-первокурсников филологических специальностей вузов. При составлении пособия мы следовали программе курса «Введение в литературоведение», составленной на кафедре теории литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (см.: Введение в литературоведение. Теория литературы: Программы дисциплин / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, филологический факультет. Сост. П. А. Николаев и др. М., 1998).

Каждый раздел содержит:

- краткий перечень теоретических вопросов по теме, которые должны быть освещены на лекциях и в учебнике и на которые преподаватель должен обратить внимание студентов;
- примерные задания по анализу текста (некоторые из них можно использовать как обязательное задание для всей группы, некоторые – как дополнительное, которое правомерно задавать, скажем, в качестве доклада. Мы осознанно шли на то, что количество этих заданий явно избыточно; мы пошли на это, чтобы предоставить возможность преподавателю варьировать и выбирать наиболее подходящие, по его мнению, упражнения);
- литература, которую преподаватель по своему усмотрению дать в качестве дополнения к основному списку литературы, приводимому в конце пособия;
- разделы «Стилистика», «Стихосложение», «Композиция» и «Психологизм» содержат также раздел с упражнениями, которые правомерно разбирать на занятии сразу после обсуждения теоретического материала.

Мы намеренно останавливаемся только на тех темах и аспектах курса, которые подлежат детальному разбору на семинарских занятиях и рассмотрение которых требует не только теоретических знаний, но и конкретных навыков анализа текста. Именно поэтому в пособии нет, например, раздела, посвящённого литературоведческим школам и проблемам функционирования литературного произведения – материалы по этим темам должны содержаться в лекциях и предлагаемых нами учебниках и словарях. Разделы имеют разный объём – так, стихосложение и стилистика предполагают больший анализ материала, тогда как материал по автору в основном сугубо теоретический и вряд ли стоит его рассматривать на большом количестве текстов.

Вопросы, помеченные знаком «*», не являются обязательными для изучения. Их можно очень кратко осветить в сильной группе и при наличии достаточного количества времени.

По каждой теме в качестве домашнего задания, помимо практических заданий и изучения соответствующих разделов учебника, следует давать литературу из раздела «Первоисточники и исследования». Ближе к концу семестра можно устроить коллоквиум по литературе, посвящённой темам, рассматриваемым исключительно в лекционном курсе.

Завершают методичку, кроме списка литературы по предмету, перечень примерных теоретических вопросов и практических заданий для экзамена по всему курсу – как по семинарам, так и по лекциям. Разумеется, преподаватель может составить свои практические задания к экзамену, а предлагаемые нами использовать в качестве домашнего задания или в работе на занятии. Ряд заданий взят нами из книги Б. В. Томашевского (Томашевский Б. В. Краткий курс поэтики. Учебное пособие / Вст. ст., прим. Л. В. Чернец. 4-е изд. М., 2007).

Учебный курс некоторых отделений филологических факультетов (например, вечернего отделения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова) предполагает семинарские занятия в течение двух семестров (раз в две недели). Преподавателю следует ориентироваться на то, что в первом семестре к зачёту следует охватить вопросы № № 1–34 из примерного перечня вопросов, также приводимого нами, а во втором семестре – вопросы № № 35–68.

Особо оговорим, что в методичке есть ряд ссылок на электронный ресурс «Теория литературы: Анализ художественного произведения». Это именно теория литературы, а не введение в литературоведение, поэтому целесообразно использовать его избирательно.

Произведение как художественное целое

I. Теоретические вопросы.

1. Форма и содержание.
2. Рама, фрагмент, цикл.
3. Рама: подпись, заглавие, подзаголовок, посвящение, эпиграф, примечания, предисловие, послесловие, оглавление.
4. Художественный образ.
5. Жанр (краткий анализ).
6. Персонаж (краткий анализ).

II. Задания на дом.

По электронному ресурсу «Теория литературы: Анализ художественного произведения» выполнить практические задания № № 1–10 и контрольную работу № 1.

Стилистика

I. Теоретические вопросы.

1. Понятие стиля. Стилизация как художественный приём. *Сказ.
2. Тропы. Аллегория, гипербола, ирония, литота, метафора, метонимия, олицетворение, параллелизм, перифраз, синекдоха, сравнение, эпитет.
3. Фигуры речи. Аллюзия, анафора (единоначалие), антитеза, бессоюзие, инверсия, многосоюзие, оксюморон, перенос, риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение, умолчание, эллипсис (умолчание).
4. Приёмы эмоциональной речи: гиперболы, нарастание.
5. Словарь поэтический, поэтическая лексика, поэтический язык / речь, язык художественной литературы, художественная речь (соотношение понятий). Идиостиль, идиолект. *Авторская лексикография.
6. Лексика: активный фонд, пассивный фонд, лексика ограниченной сферы употребления.
7. Лексический анализ произведения. Архаизмы, историзмы, *советизмы, варваризмы, иноязычные вкрапления, *макароническая речь, диалектизмы, провинциализмы, жаргонизмы и арготизмы, просторечие, неологизмы (окказионализмы), профессионализмы и термины, канцеляризмы и канцелярит, библеизмы, церковнославянизмы. *«Народная этимология».
8. Цитаты, аллюзии, реминисценции.
9. Психологический параллелизм.

II. Тексты для анализа на занятии.

1. Анализ аллюзий и реминисценций.
Обсудить на занятии особенности цитатного потенциала, аллюзий и реминисценций одного из произведений русской литературы по выбору преподавателя.
2. Анализ тропов и фигур речи.
(А).

А и горе, горе, гореваньице!
А и в горе жить – некручинну быть,
Нагому ходить – не стыдиться,
А и денег нету – перед деньгами,
Появилась гривна – перед злыми дни!
Не бывать плешатому кудрявому,
Не бывать гулящему богатому,
Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго,
Не утешить дитя без матери,
Не скроить атласу без мастера!
А горе, горе, гореваньице!
А и лыком горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!

А я от горя в темны леса —
А горе прежде век зашёл;
А я от горя в почестный пир —
А горе зашёл, впереди сидит;
А я от горя на царёв кабак —
А горе встречает, уже пиво тащит!
Как я наг-то стал, насмеялся он...

(Народная песня из сборника Кириши Данилова)

(Б).

Младой Ратмир, направля к югу
Нетерпеливый бег коня,
Уж думал пред закатом дня
Нагнать Русланову супругу.
Но день багряный вечерел;
Напрасно витязь пред собою
В туманы дальние смотрел:
Всё было пусто над рекою.
Зари последний луч горел
Над ярко позлащённым бором.
Наш витязь мимо чёрных скал
Тихонько проезжал и взором
Ночлега меж дерев искал.
Он на долину выезжает
И видит: замок на скалах
Зубчаты стены возвышает;
Чернеют башни на углах;
И дева по стене высокой,
Как в море лебедь одинокий,
Идёт, зарёй освещена;
И девы песнь едва слышна
Долины в тишине глубокой.

(А. С. Пушкин)

(В).

Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и писком;
Слышно, как стену их лапки скребут;
Слышно, как камень их зубы грызут.
Вдруг ворвались неизбежные звери
Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, с боков, с высоты:
Что тут, епископ, почувствовал ты?

(В. А. Жуковский)

(Г).

Идём!
Идём, идём!
Не идём, а летим!
Не летим, а молньимся,
души зефирами вымыв!
Мимо
баров и бань.
Бей, барабан!
Барабан, барабань!
Были рабы!
Нет раба!
Баарбей!
Баарбань!
Баарабан!
Эй, стальногрудые!
Крепкие, эй!
Бей, барабан!
Барабан, бей!
Или – или.
Пропал или пан!

(В. В. Маяковский)

(Д).

Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают;
Трактиров нет. В избе холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду прейскурант висит
И тщетный дразнит аппетит,
Меж тем как сельские циклопы
Перед медлительным огнём
Российским лечат молотком
Изделие лёгкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.

(А. С. Пушкин)

(Е).

В окошки,
в двери,
в щель войдя,
валилась солнца масса,
ввалилось;
дух переведа,
заговорило басом:

«Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
Чаи гони,
гони, поэт, варенье!»
Слеза из глаз у самого —
жара с ума сводила,
но я ему —
на самовар:
«Ну что ж,
садись, светило!»

(В. В. Маяковский)

(Ё).

Без пушкинской печали светлой,
без лермонтовской мрачной радости
душа жар-птицею оседлой
завидует своей крылатости.

(Айдын Ханмагомедов)

(Ж).

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб – я червь – я Бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? – безвестен;
А сам собой я быть не мог.

(Н. Г. Державин)

(З).

Шёпот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слёзы,
И заря, заря!..

(А. А. Фет)

(И).

Хотя страшился он сказать,
Нетрудно было б отгадать,
Когда б... но сердце, чем моложе,
Тем боязливее, тем строже...

(М. Ю. Лермонтов)

(К).

Любовь Андреевна. Дачи и дачники – это так пошло, простите.

Гаев. Совершенно с тобой согласен.

Лопахин. Я или зарыдаю, или закричу, или в обморок упаду. Не могу! Вы меня замутили! (Гаеву.) Баба вы!

Гаев. Кого?

Лопахин. Баба! (Хочет уйти.)

(А. П. Чехов)

(Л).

Петрович явился с шинелью, как следует хорошему портному. В лице его показалось выражение такое значительное, какого Акакий Акакиевич никогда ещё не видал. Казалось, он чувствовал в полной мере, что сделал немалое дело и что вдруг показал в себе бездну, разделяющую портных, которые подставляют только подкладки и переправляют, от тех, которые шьют заново. Он вынул шинель из носового платка, в котором её принёс; платок был только что от прачки, он уже потом свернул его и положил в карман для употребления. Вынув шинель, он весьма гордо посмотрел и, держа в обеих руках, набросил весьма ловко на плеча Акакия Акакиевичу; потом потянул и осадил её сзади рукой книзу; потом драпировал ею Акакия Акакиевича несколько нараспашку. Акакий Акакиевич, как человек в летах, хотел попробовать в рукава; Петрович помог надеть и в рукава, – вышло, что и в рукава была хороша.

(Н. В. Гоголь)

(М).

Ты слушать исповедь мою
Сюда пришёл, благодарю.
Всё лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать,
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну – но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.

Она мечты мои звала
От келий душевных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Её пред небом и землёй
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.
Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов «отец» и «мать».
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имён, —
Напрасно: звук их был рождён
Со мной. И видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Тогда, пустых не тратя слёз,
В душе я клятву произнёс:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

(М. Ю. Лермонтов)

3. Анализ лексики.

(А).

Читатель, ты меня понял, узнал, оценил: спасибо! Докажу, что весь мой род занимался литературой. Вот тебе извлечение из записок моего деда. Затем издам записки отца. А потом, пожалуй, и мои собственные!

Записки деда писаны скорописью прошлого столетия, in folio, без помарок. Значит: это не черновые! Спрашивается: где же сии последние? – Неизвестно!.. Предлагаю свои соображения.

Дед мой жил в деревне; отец мой прожил там же два года сряду; значит: они там! А может быть, у соседних помещиков? А может быть, у дворовых людей? – Значит: их читают! Значит: они занимательны! Отсюда: доказательство замечательной образованности моего

деда, его ума, его тонкого вкуса, его наблюдательности. – Это факты; это несомненно! Факты являются из сближений. Сближения обуславливают выводы.

Почерк рукописи различный; значит, она писана не одним человеком. Почерк «Приступа» совершенно сходен с подписью деда; отсюда: тождественность лица, писавшего «Приступ», с личностью моего деда!

Дед мой родился в 1720 году, а кончил записки в 1780 году; значит: они начаты в 1764 году. В записках его видна сила чувств, свежесть впечатлений; значит: при деревенском воздухе он мог прожить до 70 лет. Стало быть, он умер в 1790 году!

В портфеле деда много весьма замечательного, но, к сожалению, неконченного (d'inacheve). Когда заблагорассудится, издам всё.

Прощай, читатель. Вникни в издаваемое!

Твой доброжелатель

Козьма Прутков

11 марта

1854 года (annus, i)

(Козьма Прутков)

(Б).

Мелеховский двор – на самом краю хутора. Воротца со скотиньего база ведут на север к Дону. Крутой восьмисаженный спуск меж замшелых в прозелени меловых глыб, и вот берег: перламутровая россыпь ракушек, серая изломистая кайма нацелованной волнами гальки и дальше – перекипающее под ветром воронёной рябью стремя Дона. На восток, за красноталом гумённых плетней, – Гетманский шлях, полынная просесть, истоптанный конскими копытами бурый, живущий придорожник, часовенка на развилке; за ней – задёрнутая текучим маревом степь. С юга – меловая хребтина горы. На запад – улица, пронизывающая площадь, бегущая к займищу.

<...>

Прокофий обстроился скоро: плотники срубили курень, сам пригородил базы для скотины и к осени увёл на новое хозяйство сгорбленную иноземку-жену. Шёл с ней за арбой с имуществом по хутору – высыпали на улицу все, от мала до велика. Казаки сдержанно посмеивались в бороды, голосисто перекликались бабы, орда немывтых казачат улюлюкала Прокофию вслед, но он, распахнув чекмень, шёл медленно, как по пахотной борозде, сжимал в чёрной ладони хрупкую кисть жениной руки, непокорно нёс белёсо-чубатую голову, – лишь под скулами у него пухли и катались желваки да промеж каменных, по всегдашней неподвижности, бровей проступил пот.

С той поры редко видели его в хуторе, не бывал он и на майдане. Жил в своём курене, на отшибе у Дона, бирюком. Гутарили про него по хутору чудное. Ребятишки, пасшие за прогоном телят, рассказывали, будто видели они, как Прокофий вечерами, когда вянут зори, на руках носил жену до Татарского, ажник, кургана. Сажал её там на макушке кургана, спиной к источенному столетиями ноздреватому камню, садился с ней рядом, и так подолгу глядели они в степь. Глядели до тех пор, пока истухала заря, а потом Прокофий кутал жену в зипун и на руках относил домой. Хутор терялся в догадках, подыскивая объяснение таким диковинным поступкам, бабам за разговорами поискаться некогда было. Разно гутарили и о жене Прокофия: одни утверждали, что красота она досель невиданной, другие – наоборот. Решилось всё после того, как самая отчаянная из баб, жалмерка Мавра, сбегала к Прокофию будто бы за свежей наковаской. ...

(М. А. Шолохов)

(Б).

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О, рассмешищ надсмеяльных – смех усмейных смехачей!
О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!
Смейево, смейево!
Усмей, осмей, смешики, смешики!
Смеюнчики, смеюнчики.
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!

(В.Хлебников)

(Г).

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами лёгкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассёк мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

(А. С. Пушкин)

(Д).

И вдова тоже трясётся мелко от ярости.

– У меня, – говорит, – привычки такой нету – швабры в чай ложить. Может, это вы дома ложите, а после на людей тень наводите. Маляр, – говорит, – Иван Антонович в гробе, наверное, повёртывается от этих тяжёлых слов... Я, говорит, щучий сын, не оставлю вас так после этого.

Ничего я на это не ответил, только говорю:

– Тьфу на всех, и на деверя, – говорю, – тьфу.

И поскорее вышел.

Через две недели после этого факта повестку в суд получаю по делу Блохиной.

Являюсь и удивляюсь.

Нарсудья дело рассматривает и говорит:

– Нынче, – говорит, – все суды такими делами закрючены, а тут ещё не угодно ли.

Платите, – говорит, – этой гражданке двугривенный и очищайте воздух в камере.

Я говорю:

– Я платить не отказываюсь, а только пущай мне этот треснувший стакан отдадут из принципа.

Вдова говорит:

– Подавись этим стаканом. Бери его.

На другой день, знаете, ихний дворник Семён приносит стакан. И ещё нарочно в трёх местах треснувший.

(М. А. Зощенко)

(Е).

Люблю я зарево вагранок —
В нём небо звёздное ясней,
Люблю куски стальных болванок,
Меж вальцев превращённых в змей.
Люблю, когда под паром молот
Сжимает сталь в снопах лучей,
Люблю ковать, силён и молод,
У пасти огненной печей.
Люблю парить в полёте смелом —
Ведь я волен, ведь я ничей, —
Железным извиваться телом,
Как домны золотой ручей.
Люблю я труб заводских струны,
Гудок, будивший паром медь.
Я знаю – красный флаг коммуны
Над миром будет пламенеть.

(М. П. Герасимов)

(Е).

Его расстреляли на майском рассвете, и вот он уже далеко.
Всё те же леса, водопады, дороги и запах акации острый.
А кто-то ж кричал «Не убий!» одинокий... И в это поверить
легко,
Но бредили кровью и местью святою все прочие братья и сёстры.

(Б. Ш. Окуджава)

(Ж).

Порча хорошего настроения.

Осуществив возвращение домой со службы, я проделал определённую работу по снятию шляпы, плаща, ботинок, переодеванию в пижаму и шлёпанцы и усаживанию с газетой в кресло. Жена в этот период времени претворяла в жизнь ряд мероприятий, направленных на чистку картофеля, варку мяса, подметание пола и мойку посуды.

По истечении некоторого времени она стала громко поднимать вопрос о недопустимости моего неучастия в проводимых ею поименованных мероприятиях. На это с моей стороны было сделано категорическое заявление о нежелании слушания претензий по данному вопросу ввиду осуществления мною в настоящий момент, после окончания трудового дня, своего законного права на заслуженный отдых.

Однако жена не сделала соответствующих выводов из моих слов и не прекратила своих безответственных высказываний, в которых, в частности, отразила такой момент, как отсутствие у меня целого ряда положительных качеств, как-то: совести, порядочности, стыда и проч., причём как в ходе своего выступления, так и по окончании его занималась присвоением мне наименований различных животных, находящихся в личном пользовании рабочих и колхозников.

После дачи взаимных заверений по неповторению подобных явлений нами было приступлено к употреблению в пищу ужина, уже имевшего в результате остывания пониженную температуру и утратившего свои вкусовые качества.

Вот так у нас порой ещё допускается порча хорошего настроения, а также аппетита.

(Из «Литературной газеты»)

(З).

– Юрок, брат, юрок! – не без удовольствия закачал головой Викулыч. – Как же теперича жить-то? Бирка нужна!

– Точно, нужна. Липовый глазок надобно добыть...

– Да это тебе не штука, а покамест-то как, до картинки! Не гопать же, чтобы влопаться.

– Да я уж к твоей милости! – просительски поклонился Гречка. – Уж так-то радёшенек, что встренулись!..

– Чего ж те надоть? – спросил Викулыч.

– Затынь ты меня, отец, хоть до завтра! Оглядеться на воле надо бы спервоначалу... Оболочься, – тоже накидалища какое ни на есть, опять же и голубей, да шифтан, а в этом наряде – того и гляди – признают!

– Это могу, – охотно согласился патриарх мазов. – Так нечего тебе тут ухлить задаром, а хряй-то скорей на мою домовуху: там не мокро, по крайности! – предложил он.

– Похрюстать хочу, – заметил Гречка.

– Туда и хрястанья и кановки закажу принести, а здесь, говорю, нечего тебе скипидариться, зенек-то чужих тут не занимать стать.

(В.Крестовский)

(И).

За первого принялись за Степана.

Подняли на дыбу: связали за спиной руки и свободным концом ремня подтянули к потолку. Ноги тоже связали, между ног просунули бревно, один конец которого закрепили. На другой, свободный, приподнятый над полом, сел один из палачей – тело вытянулось, руки вывернулись из суставов, мускулы на спине напряглись, вздулись.

Кнутовой мастер взял своё орудие, отошёл назад, замахнул кнут обеими руками над головой за себя, подбежал, вскрикнул и резко, с вывертом опустил смолённый кнут на спину. Удар лёг вдоль спины бурым рубцом, который стал напухать и сочиться кровью. Судорога прошла по телу Степана. Палач опять отошёл несколько назад, опять подскочил и вскрикнул

– и второй удар рассёк кожу рядом с первым. Получилось, будто вырезали ремень из спины. Мастер знал своё дело. Третий, четвёртый, пятый удар... Степан молчал. Уже кровь ручейками лилась со спины. Сыромятный конец ремня размяк от крови, перестал рассекать кожу. Палач сменил кнут. <...>

Писец быстро записывал вопросы царя.

– Как пошёл на море, по какому случаю в Астрахань ясырь присылал? Кому? По какому умыслу, как вина смертная отдана, хотел их побить и говорил? За что вселенских хотел побить, что они по правде низвергли Никона, и что он к ним приказывал? И старец Сергей от Никона по зиме нынешней прошедшей приезжал ли? Как иттить на Синбирск, жену видал ли? <...>

Сам, без помощи палачей, взошёл он на высокий помост лобного места. Фролу помогли подняться.

Дьяк стал громко вычитывать приговор:

– «Вор и богоотступник и изменник донской казак Стенька Разин!

В прошлом 175-м году, забыв ты страх божий и великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича крестное целование и ево государскую милость, ему, великому государю, изменил, и собрався, пошёл з Дону для воровства на Волгу. И на Волге многие пакости починил, и патриаршие и монастырские насады, и иных многих промышленных людей насады ж и струги на Волге и под Астраханью погромил и многих людей побил».

(В. М. Шукшин)

(К).

– Так ты задержался в Ростове по болезни? Ну, что ж... Остальные восемь двадцатипяти тысячников приехали три дня назад. Митинг был. Представители колхозов их встречали. – Секретарь думающе пожевал губами. – Сейчас у нас особенно сложная обстановка. Процент коллективизации по району – четырнадцать и восемь десятых. Все больше ТОЗ [товарищество по совместной обработке земли]. За кулацко-зажиточной частью ещё остались хвосты по хлебозаготовкам. Нужны люди. Оч-чень! Колхозы посылали заявки на сорок три рабочих, а прислали вас только девять.

<...>

– Ты, товарищ, поедешь сегодня же в качестве уполномоченного райкома проводить сплошную коллективизацию. Последнюю директиву крайкома читал? Знаком? Так вот, поедешь ты в Гремяченский сельсовет. Отдыхать уж после будешь, сейчас некогда. Упор – на стопроцентную коллективизацию. Там есть карликовая артель, но мы должны создать колхозы-гиганты. Как только организуем агитколонну, пришлём её и к вам. А пока езжай и на базе осторожного ущемления кулачества создавай колхоз. Все бедняцко-середняцкие хозяйства у тебя должны быть в колхозе. Потом уже создадите и обобществлённый семфонд на всю площадь колхозного посева в тысяча девятьсот тридцатом году. Действуй там осторожно. Середняка ни-ни! В Гремячем – партиячка из трёх коммунистов. Секретарь ячейки и председатель сельсовета – хорошие ребята, красные партизаны в прошлом, – и, опять пожевав губами, добавил: – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Понятно? Политически малограмотны, могут иметь промахи. В случае если возникнут затруднения, езжай в район. Эх, телефонной связи ещё нет, вот что плохо! Да, ещё: секретарь ячейки там краснознаменец, резковат, весь из углов, и... все острые.

(М. А. Шолохов)

(Л).

И для охотника в Калужской губернии лучше. В Орловской губернии последние леса и площадь* исчезнут лет через пять, а болот и в помине нет; в Калужской, напротив, засеки тянутся на сотни, болота на десятки вёрст, и не перевелась ещё благородная птица тетерев, водится добродушный дупель, и хлопотунья куропатка своим порывистым взлётом весе-

лит и пугает стрелка и собаку. (* «Площадями» называются в Орловской губернии большие сплошные массы кустов; орловское наречие отличается вообще множеством своебытных, иногда весьма метких, иногда довольно безобразных слов и оборотов).

(И. С. Тургенев)

(М).

– Читай, отрок, слово Божие без сомнения, – ласково, но твёрдо произнёс старец.

Варфоломей посмотрел на него умоляющим взглядом:

– Благослови меня, отче. <...>

Старец положил руку на плечо Варфоломея:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.